

ВОСТОЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ И РОССИЙСКАЯ ПРОВИНЦИЯ В 1907-1914 гг. (на материалах Калужской губернии)

THE EASTERN DIRECTION
OF FOREIGN POLICY AND THE RUSSIAN
PROVINCE IN 1907-1914
(Based on materials of the Kaluga province)

A. Aniskov

Annotation

The article attempts to research the attitude of the Kaluga provincial society to the eastern direction of the Russian Empire foreign policy on the eve of the First World War. Interest of provincial public to the problems of the Middle East and Central Asian policy of Russia was caused by the fact of negotiations with Great Britain that were aimed at the smoothing of contradictions in Central Asian issues and were finished with the conclusion of the agreement in 1907. Russia continued to explore the Far East region and the interest to it was not lost after the Russo-Japanese war of 1904-1905 finishing. That war made a painful impression on the society and press tried to mitigate the problem of Far East in 1909. Later the serious misgiving of the military conflict with China appeared. Its cause was the rapprochement with Japan.

Keywords: Middle East, Central Asia, Far East, Kaluga province, provincial society, foreign policy, foreign Affairs.

Анисков Артём Сергеевич

К.и.н., доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Калужский филиал

Аннотация

В статье предпринята попытка исследовать отношение калужского губернского общества к восточному направлению внешнеполитического курса империи накануне Первой мировой войны. Интерес провинциальной публики к проблемам ближневосточной и среднеазиатской политики России был вызван, главным образом, по причине ведущихся переговоров с Англией, которые были направлены на смягчение противоречий в остро стоявших среднеазиатских вопросах и завершились заключением соглашения в 1907 г. Дальневосточный регион продолжал осваиваться русскими и интерес к нему не был потерян после окончания русско-японской войны 1904-1905 гг. Война оставила тяжелые чувства в обществе, поэтому, в печати старались сгладить обострившееся положение на Дальнем Востоке в 1909 г. Позже, появились серьезные опасения военного конфликта с Китаем, из-за взятого курса на сближение с Японией.

Ключевые слова:

Ближний Восток, Средний Восток, Дальний Восток, Калужская губерния, провинциальное общество, внешняя политика, международные отношения.

Вопросы восточного направления политики России были тесно связаны с проблемой ориентации внешней политики страны в целом, и борьба вокруг них развертывалась в общем плане борьбы за внешнеполитическую ориентацию. Однако эти вопросы имели и свою специфику, что делает целесообразным их отдельное рассмотрение.

Взаимоотношения России с Персией и Турцией, хотя и не занимали приоритетного направления во внешней политике России, но входили в орбиту внешнеполитических интересов и определялись общей ориентацией внешнеполитического курса страны. Интерес к этой проблеме, вызванный, прежде всего, по причине ведущихся переговоров с Англией, которые завершились заключением соглашения в 1907 г., направленного на смягчение противоречий в остро стоявших среднеазиатских вопросах, проявился и в провинциальном обществе.

В частности, в "Калужском курьере" в декабре 1907 г. достаточно подробно описывались события так называемой конституционной революции 1905-1911 гг. в Иране [1, с. 3; 2, с. 3; 3, с. 3; 4, с. 3; 5, с. 3; 6, с. 3]. Как известно, к концу 1906 г. был утвержден Основной закон иранского шахства. Иран объявлялся конституционной монархией. Согласно ст. 16 Конституции, все основные законы, "необходимые для укрепления основ государства и высочайшей власти, а также для ведения дел в стране и устройства правительственных учреждений", должны были получать одобрение со стороны членов меджлиса. В Конституции отмечалось, что иранские газеты "могут печатать ход всех прений меджлиса, но при условии - не изменять и не извращать их смысла". Без одобрения меджлиса правительство не имело права предоставлять концессии, соглашаться на учреждение частных компаний. Соглашения о государственных займах, как внутренних, так и внешних, должны были заключаться лишь "с ведома и одобрения меджлиса". Вскоре

после ратификации Конституции тяжелобольной Мозаффар ад-Дин шах 8 января 1907 г. умер. Новым шахом стал правитель Азербайджана, его сын Мохаммед-Али. Он находился под сильным влиянием контрреволюционеров и представителей царской России, в частности своего учителя Шапшала. Опираясь на моральную поддержку представителей России, Мохаммед-Али шах сразу попытался предотвратить дальнейшее развитие конституционного движения. Однако его действия не увенчались успехом. Скорее они вызвали резкое недовольство сторонников политических реформ. Началась новая волна массовых выступлений, направленных на упрочение статуса парламента и в целом на усовершенствование текста Конституции, на усиление ее демократических черт. После включения в деятельность меджлиса прибывших из Азербайджана депутатов эти вопросы приобрели первостепенное значение. Демократически настроенные лидеры парламента подготовили проект Дополнений к Основному закону. В начале октября 1907 г. меджлис большинством голосов утвердил Дополнения, и шах подписал их [7, с. 60–61].

Интерес, который проявила печать к внутренним событиям в Персии, был не случайным. Известно, что Персия входила в сферу интересов России, и поэтому наша страна должна была быть в курсе любых изменений, происходящих в среднеазиатском регионе, в частности, в Персии.

Кроме этого, в "Калужском курьере" были опубликованы некоторые любопытные заметки, содержащие угрозу войны с Турцией весной 1908 г.

В сообщении 12 февраля 1908 г. говорилось о военных приготовлениях будто бы предпринимаемых как Россией, так и Турцией, которые подали повод к тревожным слухам о возможности вооруженного столкновения между этими двумя державами. Однако, пребывающий в Петербурге турецкий посол по поручению своего правительства заявил русскому министру иностранных дел, что Турцией были приняты лишь меры обеспечения безопасности турецкой границы со стороны Персии. "Турция преисполнена по-прежнему самых дружественных чувств в отношении России. Таким образом, предположения о вооруженном столкновении между Россией и Турцией с достаточной ясностью опровергаются вполне определенно проявленными как с той, так и с другой стороны дружественными намерениями и чувствами" [8, с. 2].

Однако, спустя месяц, появилась заметка, содержащая очевидную угрозу войны с Турцией. "Турция затевает недобрые планы против России и, если войска ее не будут отозваны от русской границы, значит, наступит момент осуществления тайного для нас плана со стороны Турции и ее вдохновительницы Германии. Конец мар-

та или даже середина его – будут началом знаменательных событий – таков голос местных жителей". При этом, необходимо подчеркнуть, что как и в других кризисных моментах, редакция газеты предпочла занять выжидательную позицию, насчет перспектив развития обострившегося положения, не делая никаких прогнозов: "что сделает наша дипломатия, удастся ли ей путем переговоров создать такой противовес, чтобы убить в корне идею кровавого столкновения на Ближнем Востоке, – покажет близкое будущее" [9, с. 1].

Таким образом, события, происходившие в Средней Азии, не обошли стороной и губернскую печать. Исходя из имеющихся публикаций, сложно судить об отношении провинциальной публики к вопросам внешнеполитического курса в этом регионе. Однако, проявление интереса провинциальной газеты к рассматриваемым событиям в Персии и Турции говорит о том, что этот регион, отнюдь не рассматривался в обществе как абсолютно незначимый в общем русле внешней политики России. Можно предположить, что, наряду с другими внешнеполитическими событиями, проблема сложных внутреннеполитических перипетий в Персии, и провокационные перемещения турецкой армии в непосредственной близости от русско-турецкой границы также волновало провинциальную публику, которая не оставалась изолированной от этих событий. Интерес этот вызван тем, что Персия входила в орбиту влияния России.

Интерес к Дальнему Востоку в губернском обществе в изучаемый период в известной степени угас по сравнению с предшествующими событиями, связанными главным образом с русско-японской войной 1904–1905 гг. Тем не менее, дальневосточный регион продолжал осваиваться русскими и интерес к нему не был потерян. Сразу после окончания войны, окрестности города Владивостока быстро начали заселяться бедными рабочими и в особенности запасными нижними чинами. "Число жителей только трех пригородов Владивостока Первой Речки, Куперовской Пады и Каторжанской Слободки возросло до 7000 человек. Однако в названных местах не было ни храма, ни училища, а пользоваться городскими храмами и училищами жителям было не под силу, ибо они удалены от них на 3–4 версты. С призывом сбора пожертвований на строительство храма и училища на Первой Речке обращается ко всем Воззвание, распространяемое по всем губерниям Российской империи". Экземпляр такого Воззвания сохранился и в Государственном архиве Калужской области [10, л. 41].

Необходимо отметить, что в Калуге, как и по всей России, чтити память погибших в русско-японскую войну. В 1909 г. в "Калужских губернских ведомостях" публикуются рескрипты императрицы Александры Федоровны о сборе пожертвований на постройку храма в честь погибших в минувшую войну моряков и воинов

нашей сухопутной армии [11, с. 3], а также "Воззвание" императора, который "в единой скорби со своим народом о морях, бесследно, за Отечество погибших" 22 ноября 1909 г. постановил построить храм в память павших моряках в минувшую войну с Японией [12, с. 3].

После заключения Портсмутского мира были намечены два различных направления дальневосточной политики: раздел с Японией сфер влияния в Китае и затем дальнейшее сближение с ней; союз с Англией и США, направленный против Японии, и раздел сфер влияния на Дальнем Востоке между союзниками.

А.П. Извольский целиком разделял идею о необходимости русско-японского сближения вплоть до союза, так как это являлось неотъемлемой составной частью его внешнеполитической программы. Это направление отражало интересы русской буржуазии и помещиков, находившихся в страхе перед усилением революционных движений в случае новых военных поражений.

15 июля 1907 г. были подписаны русско-японский торговый договор и рыболовная конвенция, а 17 июля 1907 г. – соглашение по общеполитическим вопросам, которое определяло статус-кво на Дальнем Востоке. Это соглашение было дополнено секретным договором, по которому определялось вхождение Северной Манчжурии и Внешней Монголии в сферу влияния России, а Южной Манчжурии и Кореи – в сферу влияния Японии.

Однако частое нарушение Японией рыболовной конвенции, выразившееся в том, что японцы запретили русским промышленникам рыбную ловлю у своего побережья, хотя продолжали все шире развешивать ее у русского побережья, привело к усилению тенденций на разрыв русско-японского соглашения 1907 г.

Кроме того, во второй половине 1909 г., вначале Рокхилл (американский посол в Петербурге), а затем и государственный секретарь США Ф. Нокс предложил России и Японии "коммерческий нейтралитет" железных дорог в Маньчжурии. Это означало бы уничтожение раздела Маньчжурии на сферы влияния и соответствовало американской доктрине "открытых дверей" в отношении Китая. Токио немедленно принимает контрмеры. Япония предложила России заключить конвенцию о взаимной гарантии в отношении ранее установленных ими сфер влияния. Мотоно (японский посол в Петербурге) заявил Извольскому, что японское правительство желало бы не только расширения и развития уже существующих между Россией и Японией отношений, но превращения их в формальный союз. В январе 1910 г. американским послом в Петербурге и Токио демонстративно в один и тот же день были вручены ноты, отвергавшие "нейтрализацию" маньчжурских железных дорог.

21 июня 1910 г. новое русско-японское соглашение, которое в целом повторяло содержание соглашения 1907 г., но в главном Россия пошла на уступки. В секретных статьях она обязывалась не возражать против аннексии Кореи и обещала совместно с Японией прибегать к общим действиям в случае, если бы возникла угроза специальным интересам обеих держав на Дальнем Востоке.

Весьма важным вопросом дальневосточной политики России оставались отношения с Китаем. Хотя идеи восстановления русско-китайского союза была отодвинута развитием связей с Японией, в Петербурге преобладало мнение о важности поддержания с Поднебесной империей дружественных отношений. В 1909 г. Пекин посетил в качестве представителя Николая II генерал Палицын. Он отмечал создание регулярной армии современного типа, рост революционного движения в южных и центральных провинциях Китая, подчеркивал громадное политическое значение Китая в Азии и делал вывод о том, что России необходимо сохранить наши добрососедские отношения с Китаем.

Россия на первом этапе Синьхайской революции выступила против открытого вмешательства. В октябре 1911 г. товарищ министра иностранных дел А.А. Нератов в ответ на запрос Госдепартамента США заявил, что в настоящий момент нет необходимости вмешиваться в китайские дела. В апреле 1912 г. С.Д. Сазонов, выступая в Государственной Думе, говорил, что Россия с самого начала кризиса в Китае решила держаться нейтрально к происходящей там борьбе, стремясь к ограждению собственных интересов.

Необходимо отметить, что характер публикаций в провинциальной печати относительно положения дел на Дальнем Востоке немного не соответствуют общему настроению столичной прессы. В частности, до 1909 г. вообще нет никаких заметок об острых дипломатических перипетиях на дальневосточном регионе, а за период с 1909 г. и вплоть до августа 1910 г. в газете преобладает оптимистичный тон публикаций, который шел вразрез с общественным настроением в Петербурге и Москве, и особенно на Дальнем Востоке, где 1909 г. явился кризисным и во многом переломным годом для страны в решении дальневосточных вопросов.

5 февраля 1909 г. редакция газеты "Калужский курьер" удивлялась метаморфозам, которые произошли на острове Сахалин со времени перехода его к Японии. "В японской части Сахалина новые хозяйства со своей собственной им энергией взялись за улучшения. Средства сообщения стали уже значительно лучше вследствие проведения дорог..." [13, с. 4].

Следующая публикация в газете 13 июня 1909 г. бы-

ла посвящена решению вновь создать наместничество на Дальнем Востоке. На пост наместника выдвигался приамурский генерал-губернатор Унтербергер [14, с. 1].

Интересная заметка, отражающая общий тон публикаций по проблеме международной обстановки на дальневосточном регионе, была опубликована в "Калужском курьере" 5 декабря 1909 г., под характерным названием "Неосновательная тревога". В заметке рисовалось пессимистическое настроение русского общества, которое "так утрачено и напугано было разрушительными результатами минувшей войны, что чувствительность по отношению ко всему, происходящему на Дальнем Востоке, достигла необычайной остроты". В свою очередь, редакция газеты, наоборот, уверена в том, что "появившееся в столичных газетах официальное сообщение о положении на Дальнем Востоке подтверждает, что положение это не только не заключает в себе ничего тревожного, но позволяет с совершенной определенностью удостовериться, что в области наших отношений к Японии наблюдается полная взаимная предупредительность и готовность разрешать все возникающие вопросы путем мирных и дружественных соглашений" [15, с. 1–2].

Проанализировав проводимый США курс в дальневосточном регионе, в частности, в Китае, редакция "Калужского курьера" пришла к выводу, что такая политика является "тайными вождениями американских политиков и нисколько не соответствуют действительному положению вещей. Если когда-нибудь Китай почувствует необходимость сбросить с себя далеко не бескорыстную опеку всевозможных культуртрегеров и миссионеров, то он восстанет не при помощи Америки, а против нее. Но даже при допущении, что Китай будет воевать на американские деньги, и победит окружающие народы, американцы будут обмануты Китаем так же, как раньше Японией" [16, с. 4].

Необходимо обратить внимание, что за период кризиса и острой полемики по вопросам внешнеполитической ориентации на Дальнем Востоке вплоть до заключения нового русско-японского соглашения 21 июня 1910 г. в провинциальной печати не было опубликовано ни одной заметки, выражающей опасное положение в этом регионе или предупреждающей о возможности начала новой войны с Японией, в то время как в столичной прессе преобладали публикации именно такого рода. Вероятно, это объясняется тем, что русско-японская война 1904–1905 гг., которая не обошла стороной и Калужскую губернию, оставила тяжелый след в общественном сознании, вследствие чего, в печати старались избегать большой для многих темы, и не допускать подобного рода пессимистических настроений.

Тем не менее, 14 августа 1911 г. в "Калужском курьере" появилась первая публикация, в которой говори-

лось, что "на Дальнем Востоке, как и на ближнем, гром неизбежно грянет, и откладывать до того времени изучение дальневосточных дел более чем неразумно". Таким образом, стало понятно, что умалчивать о реальном положении дел больше не имеет смысла, так как война в этом регионе почти неизбежна. Кроме того, в этой заметке был подвергнут некоторой критике общий курс на сближение с Японией, так как в этом случае, "сближаясь с неизбежным противником, мы рискнули отношениями – и, в общем, добрыми отношениями – с более чем возможным другом.

В противовес соглашению двух недавних врагов, на Дальнем Востоке с достаточною ясностью очерчивается совершенно новая комбинация, способная не только испортить настроение нашего министерства иностранных дел, но и вызвать совершенно новое соотношение сил, нам едва ли благоприятствующее. В противовес дуалистической комбинации Япония–Россия, в Пекине дает уже себя чувствовать новая – на этот раз тройственная комбинация: Китай–Германия–Соединенные Штаты. Мы чувствуем себя на Дальнем Востоке не важно. Судя по известиям оттуда, отношения к нам со стороны местного населения портятся с каждым днем. В Китае мы уже утратили надолго друга – это можно сказать с полной определенностью. Сделается ли он и врагом нам? Величайшие усилия должны быть сделаны с нашей стороны, чтобы этого не случилось" [17, с. 3].

С марта 1911 г. публикуются заметки об антирусских агитациях в Китае и приготвлении к войне, которым занят Китай. В опубликованном 17 марта 1911 г. в "Калужском курьере" "письме из Владивостока", Северовский писал, что "Тревога в Китае растет. Отовсюду получаются самые тревожные известия. По всему Китаю идет сейчас усиленная антирусская агитация. И пекинское правительство, подписывая одной рукой приказы о строжайшем наказании агитаторов, другой – само же им содействует. Так, по словам английских шанхайских газет, во главе агитаторов стоит сам...военный министр" [18, с. 1–2].

19 апреля и 21 июня 1911 г. появились заметки о неминуемой войне с Китаем: "всеобщее предположения, что миновавший недавно дальневосточный кризис – есть только временная оттяжка рокового вопроса о войне, начинают, по-видимому, оправдываться" [19, с. 3–4]. При этом, редакция выступала против дальнейшего сближения с Японией и заключения с ней оборонительного и наступательного союза, и, полагала, что главная ошибка российской дипломатии заключалась в протесте России против предложений американским министром Ноксом нейтрализации маньчжурских железных дорог. Газета советовала попытаться пока не поздно "выбраться из расставленного нам маньчжурского капкана" [20, с. 3–4].

Опасение военного конфликта с Китаем было и в 1913 г., когда в полиции появились сведения о возможной войне России с Китаем, которые якобы распространялись местными мусульманами [21, л. 83].

Таким образом, проблемы дальневосточной политики, безусловно, сохраняли свое значение, хотя после окончания русско-японской войны явно отошли в общественном сознании на второй план, по сравнению с более близкими для общественного понимания вопросами и значимыми проблемами в целом для страны, такими как Балканское направление политики или борьба между блоками Антанты и Тройственного союза. Интерес к Дальнему Востоку отражается, во-первых, в сборе пожертвований на постройку храма в честь погибших в ми-

нувшую войну с Японией, а во-вторых, в продолжении освоения дальневосточного региона, где снова было создано наместничество. Безусловно, русско-японская война 1904–1905 гг. оставила тяжелые чувства в обществе, поэтому, в печати старались сгладить обострившееся положение на Дальнем Востоке в 1909 г. Однако, позже, появились серьезные опасения военного конфликта с Китаем, из-за взятого курса на сближение с Японией. В провинции выступали против дальнейшего сближения с Японией и тем более заключения с ней оборонительного и наступательного союза, и, полагали, что главная ошибка российской дипломатии заключалась в протесте России против предложений американским министром Ноксом нейтрализации маньчжурских железных дорог.

ЛИТЕРАТУРА

1. Калужский курьер. 1907. 06 декабря.
2. Калужский курьер. 1907. 08 декабря.
3. Калужский курьер. 1907. 11 декабря.
4. Калужский курьер. 1907. 13 декабря.
5. Калужский курьер. 1907. 15 декабря.
6. Калужский курьер. 1907. 18 декабря.
7. История Ирана. XX век / Под ред. С.М. Алиева. М., 2004.
8. Калужский курьер. 1908. 12 февраля.
9. Калужский курьер. 1908. 06 марта.
10. Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. 32. Оп. 2. Д. 1469.
11. Калужские губернские ведомости (КГВ). 1909. 10 марта.
12. КГВ. 1910. 11 августа.
13. Калужский курьер. 1909. 05 февраля.
14. Калужский курьер. 1909. 13 июня.
15. Калужский курьер. 1909. 5 декабря.
16. Калужский курьер. 1910. 16 марта.
17. Калужский курьер. 1910. 14 августа.
18. Калужский курьер. 1911. 17 марта.
19. Калужский курьер. 1911. 19 апреля.
20. Калужский курьер. 1911. 21 июня.
21. ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 980.

© А.С. Анисков, (erizo90@yandex.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

"Ни о чем не думает лишь тот,
кто ничего не читает."
Д.Дидро

Реклама